УДК 37

И. А. Верховых

аспирант (24.00.01)

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия

Email: irina.verhovih@mail.ru

МИССИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИТУАЦИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Анализируются доминирующие жизненные стратегии студенческой молодежи периода информационного общества. Антропологические изменения максимально полно представляют четыре стратегии: жизненного благополучия, социального престижа, профессионального успеха и личностной самореализации. Лидерами по динамике расширения социальной базы являются стратегии жизненного благополучия и социального престижа, которые свидетельствуют о масштабной фальсификации духовных матриц культуры и утверждении неоязыческой цивилизационной модели.

В условиях модификации антропологических сценариев современной молодежи особую актуальность обретает проблема корректировки приоритетов и технологического репертуара образовательного процесса с учетом ключевых характеристик постнеклассического этапа культуры. Ресурсом совершенствования содержания гуманитарного образования является востребованность человекотворческого потенциала отечественной гуманитарной мысли, которая дает нам методологию понимания причин духовного кризиса в условиях кардинальных общественных перемен, хранит образ духовно богатой и ответственной личности, открывает перспективы воспроизводства сотворенного «осевым временем» морально-нравственного облика человека как творца и творения культуры.

Ключевые слова: *антропологический кризис, гуманитарное образование, информационное общество, жизненные стратегии молодежи*

Для цитирования: *Верховых, И. А. Миссия гуманитарного образования в ситуации антропологического кризиса / И. А. Верховых // Вестник культуры и искусств. – 2021. – № 4 (68). – С. 90–96.*

Миссией гуманитарного образования является конструктивный ответ на вызовы времени. Институт образования по своей природе консервативен, минимально ориентирован на изменения. Однако сегодня, в ситуации растущих противоречий между постнеклассическим типом культуры и ее классической версией, возникает острая потребность сущностного переосмысления функций данного института, поиска ресурсов его обновления. Многие исследователи подчеркивают исчерпанность классической педагогической парадигмы. «В современной культуре представления об образовании как способе и трансляции знаний оказываются недостаточными, не отвечающими вызовам времени. Очевидно, что сегодня требуется формировать и обосновывать новое пайдеевтическое пространство образования, по сути своей культуросообразное» [3]. Глобальной тенденцией сегодняшнего этапа является становление постиндустриального общества, которое существенно корректирует функции, цели и приоритеты образовательной деятельности. Мир вступает в зону качественных изменений, характерных для ведущих сфер социокультурного бытия, фиксируя «трагедию духа в мире разума» (В. А. Кутырев), масштабный кризис гуманитарной культуры, нарастание «антропологической катастрофы» (М. К. Мамардашвили, С. С. Хоружий).

В этом контексте особую актуальность получает философско-культурологический анализ

института образования, интегрирующий методы и результаты, полученные в рамках широкого спектра гуманитарных наук. Масштаб социокультурных изменений глобального и локального характера рождает потребность в корректировке модели образования с учетом особенностей национальной культуры и отечественных реалий постсоветского периода. Решение обозначенной проблемы актуально не только в научно-теоретической плоскости, но и с практической точки зрения. Итоги реформ прошлых десятилетий показали, что недостаточная изученность механизма детерминации образовательных и воспитательных практик особенностями культуры приводит к неоправданным экспериментам в области образования.

Образовательная деятельность, включая процесс воспитания, выстраивается с учетом основного репертуара антропологических сценариев, которые обнаруживаются сегодня в образно-символическом спектре информационно-коммуникативного дискурса, в имиджах «героев» массовой медиакультуры, олицетворяющих базовые ценности и смысловые сценарии молодежи. Глубинный дух национальной культуры в антропологической плоскости определяется ментальными матрицами, обеспечивающими: целостность культуры, ее национальное своеобразие на протяжении исторически длительного времени; модели восприятия и специфическую картину мира; душевные энергии и социально-психологические качества субъекта культуры; иерархию базовых ценностей (свобода, любовь, справедливость, материальное благополучие и т. д.); стереотипы и образы «мы и они» и доминирующие механизмы социальной регуляции; основания национально-культурной идентичности, лежащие в основе культурных различий, самопонимания и узнавания «своих» и «чужих»; специфику функционирования базовых социально-культурных институтов; жизненные стратегии и поведенческие сценарии (включая модели коммуникации со «своими» и «чужими»).

Базовые для культуры антропологические сценарии в социально-коммуникативном пространстве находят выражение в *жизненных стратегиях* и соответствующем *стиле жизни* – как совокупности общих для социальной группы ценностей, норм, стереотипов поведения и способов самовыражения. Свою стилевую принадлежность человек позиционирует отождествлением себя со значимой социальной группой и последующей публичной демонстрацией стилеобразующих признаков. В основе стиля жизни лежат модель и способы идентичности личности – интегральной характеристики, фиксирующей представления индивида о своем статусе в обществе, включающей социально-ролевой «репертуар» способов и форм достижения и позиционирования субъективно значимого социального положения. Личность отождествляет себя с образом жизни кумиров, персонифицирующих значимую для нее систему ценностей и поведенческие стратегии. Стиль становится результатом (и в значительной степени ресурсом) коммуникации в референтном социокультурном пространстве – здесь он обретает статус «текста», своеобразного послания, стратификационного признака, свидетельствующего о роли и месте его владельца в системе коммуникаций. Свою принадлежность к значимой группе человек демонстрирует с помощью форм и способов презентации, включая стандарты потребления и т. д.

Жизненные стратегии современной молодежи представляют собой типичный и устойчивый сценарий воплощения определенных аксиологических и поведенческих программ. Каждая жизненная стратегия выстраивается на ментальных особенностях и психологическом типе ее носителя, обеспечивающих устойчивую связь психолого-поведенческой системы: личностным качествам, составляющим психологическое ядро типа, соответствуют определенные ценностные ориентации и поведенческие сценарии, из которых и складывается жизненная стратегия. В частности, психологический тип *гедонист* демонстрирует преимущественную направленность на себя (на удовольствие, благополучие); *формалист* ориентирован на расширение внешних атрибутов жизнедеятельности (социальный статус, престиж); потребности и действия *инструменталиста* центрированы на достижение профессионального успеха; *эссенциалист* стремится к постоянному самосовершенствованию и самореализации [10, с. 117].

На базе *гедонистического* типа личности, который отличает выраженная направленность

на себя, высокий уровень беззаботности, низкий самоконтроль и богатое воображение, формируется *стратегия жизненного благополучия*. В поведенческой, социально-психологической плоскости данная стратегия демонстрирует ярко выраженную потребительскую ориентацию, стремление к комфорту, получению удовольствий, значимость материальных благ, слабую озабоченность выполнением общественных норм. *Стратегия социального престижа* (которая формируется на базе типичных для *формалиста* психологических особенностей, включая повышенную озабоченность выполнением общественных норм, эмоционально-волевую нестабильность, низкую пластичность) показывает высокую значимость общественного признания, ценность социальной успешности и материальной обеспеченности. Ее носитель стремится принадлежать к престижной группе, вести насыщенную внешними событиями жизнь. Личность данного типа преимущественно ориентирована на статусные (позиционно-престижные) и нормативные ценности, для нее высокую значимость имеет успех и общественное признание, требующее постоянного и целенаправленного наращивания социально-статусного «капитала». Психологической платформой стратегии *профессионального успеха* становится *инструментальный* тип личности с его ответственностью и деловитостью, предприимчивостью, организованностью и самодисциплиной, эмоциональной стабильностью и самодостаточностью, необщительностью и низкой способностью к эмпатии. Стратегию *личностной самореализации* формируют психологические качества *эссенциального* типа, психологический профиль которого отличается выраженной тревожностью и высокой напряженностью потребностей, повышенным чувством вины, пластичностью и тонкостью, деликатностью и способностью понимать других. Ценностно-ориентационные и поведенческие проявления данной стратегии выражаются в низкой значимости социально-статусных, престижных элементов, индивидуальности и автономии, сосредоточенности на поиске смысла бытия, самопостижении и самосовершенствовании, стремлении к максимальной реализации личностных потенциалов [10, с. 118].

В информационном пространстве индустриального общества доминируют три антропологических матрицы: во-первых, оптимистическая версия человека, берущая свое начало в «осевом времени» (начиная с формулы Ветхого Завета, утверждающей человека как «образа и подобия Божьего»). В отечественной культуре соответствующий образ человека, удерживающий духовный «каркас» культуры на протяжении многих веков, транслировался религиозно-философской мыслью, институтами образования, искусства. Во-вторых, неоязыческая антропология, утверждающая в качестве смысла существования успех, материальное благополучие, гедонизм. В-третьих, деструктивная антропология (в своей сути «маргинальная», «антропологический гибрид», по выражению А. Дугина), поведенческий репертуар которой включает различного рода девиации и трансгрессии [11, с. 217].

В результате стремительного развития цифровых платформ и экспансии глобального виртуального пространства классическая антропологическая матрица подверглась существенным деформациям. Изменения человека эпохи постмодерна, помимо трансформации биотехнологических параметров жизнедеятельности, происходят в нравственно-психологической сфере, в структурах национально-культурного самосознания и основаниях идентичности [10]. В социальной структуре информационного общества расширяется сегмент «сетевого человека», для которого основным институтом социализации становится массмедийное пространство, а средой жизнедеятельности – виртуальный мир интернет-коммуникаций. В системе гуманитарного знания последних десятилетий активно продвигается трансгуманистическая версия человека, выступающая за безграничное развитие личности и неизбежный выход за «естественные» пределы человеческих возможностей [11, с. 217].

Очевидным лидером – по масштабу и динамике социальной базы – являются две стратегии: *жизненного благополучия* и *социального престижа*, которые утверждают себя в границах «неоязыческой» антропологии. Смыслообразующее ядро их образно-символических матриц составляют слава, успех, богатство, сила,

власть. Базовой характеристикой данных жизненных стратегий становится потребительская доминанта, отличающаяся неутолимой жаждой удовольствий, стремлением к комфорту и потребностью в публичной демонстрации своего социального статуса. Потребительская идеология приобретает тотальный характер – потребление «уже не ограничивается покупкой вещей. Продаются и потребляются знание, информация, отношения между людьми, духовные ценности, люди, способности, чувства, настроение, удовольствия…» [6, с. 27–28]. Потребительская зависимость, которая формируется демонстрацией в системе массовых коммуникаций завышенных стандартов потребления как доступных и необходимых, существенно модифицирует не только характер трудовой мотивации и социальный статус человека, но и смысл его существования [9]. Потребительская мотивация усиливается социально престижной и личностно значимой символикой товаров и услуг, их способностью свидетельствовать о принадлежности к элитной группе, манифестировать такую принадлежность.

В последние десятилетия набирает обороты «негативистская», деструктивная антропология, которую активно продвигают институты культуры постмодерна. В частности, постмодернистская философия концептуально отрицает в человеке начала цельности и идентичности, его способность жить по совести и познавать истину. Социальную базу такой антропологии составляет так называемый маргинальный тип – «антропологический гибрид», органично чувствующий себя в зоне *фрик-культуры (freak out show*) [8].

Расширение социальной базы неоязыческой и деструктивной антропологии свидетельствует о набирающем обороты антропологическом кризисе, значимым симптомом которого становится расширение репертуара экстремальных психопрактик и трансгрессий (форм «предельного опыта» человека – с помощью такого поведения человек пытается достичь пределов и преступить «горизонт», т. е. нормативные границы своего существования). Антропологический кризис свидетельствует о «духовном истощении» культуры, которая переходит в новую цивилизационную модель, воспроизводящую характерные для языческого этапа истории аксиологические матрицы и поведенческие сценарии. Усиливаясь под воздействием деструктивной энергетики постмодернистского дискурса и в условиях аномийного пространства интернет-коммуникаций, кризис девальвирует традиционные жизненные смыслы и лишает энергии созидательную активность человека, в том числе и в сфере образовательной деятельности [10].

В условиях модификации антропологических матриц особую актуальность обретает проблема корректировки приоритетов и технологической составляющей образовательного процесса. «Существенная проблема заключается в том, что образование в своих методологических установках, теоретических конструкциях и практически реализуемых формах, средствах и методах остается в рамках парадигмы классической культуры и классической рациональности, в то время как постнеклассическая реальность утверждает принципиально иные ценности и цели, а также критерии рационального [3].

В сложившейся ситуации ресурсом оптимизации гуманитарного образования как ключевого института сохранения классической антропологии является востребованность человекотворческого потенциала отечественной гуманитарной мысли, в которой заложены методологические основы и мировоззренческие предпосылки адекватного понимания подлинных причин духовного кризиса в условиях кардинальных общественных перемен, представлены рецепты и условия воспроизводства сотворенного «осевым временем» морально-нравственного облика человека. Отечественная гуманитарная культура хранит духовно богатый и одновременно противоречивый образ представителя русской цивилизации, ментальное ядро которого составляет: отсутствие насильственности и властолюбия, мягкость характера, умение разумно пользоваться свободой (Н. Данилевский); религиозность и мистическая самоуглубленность (К. Леонтьев). Субъект «евразийской цивилизации» в ней показан как ориентированный на сохранение норм и ценностей, осознающий необходимость подчинения государству, но не готовый к углубленному поиску

истины, предпочитая принять ее в готовом виде (Н. Трубецкой). Ментальность «русского типа» структурируется такими чертами, как скитальчество, смирение и сострадание; нравственный максимализм и «всемирная отзывчивость» (Ф. Достоевский). В то же время отечественные гуманитарии фиксировали те встроенные в ментальные матрицы качества «русского типа», которые выступают источником «антропологических рисков», а потому должны быть минимизированы институтами социализации, в том числе и образованием. «Русская натура» сочетает в себе широту и вольность, бунтарство и сектантство, «духовное странничество» и органическую нелюбовь «ко всякой законченности и форме» (Г. Федотов). В национальном характере русских заложено стремление к предельному, безусловному; «самоотречение и саморасточение», «живое чувствование зла» (Вяч. Иванов). Именно эта черта объясняет специфическое отношение к греху и преступнику: соборная ответственность всех за всех и мирское признание коллективной вины снимает вину персональную, а личность преступника возбуждает лишь сострадание. Эти особенности определяют, с одной стороны, наши «добродетели и силы», с другой – наши «немощи, уклоны, опасности и падения», в частности: максимализм и скептический склад русского ума, потребность русской мысли идти «до конца и до края»; ненависть к противоречиям между сознанием и действием; стремление к девальвации ценностей; периодически прорывающая пленку культуры энергия «нисхождения» как «склонение перед низшим и служение ему… жертвенное низведение божественного света во мрак низшей сферы, ищущей просветления» [11, с. 369, 370]. Специфика «русской души» определяется также особым соотношением трех ментальных доминант: «святого», «человеческого» и «звериного», а именно: в национальном характере русских почти отсутствует «специфически человеческое», в то время как «святое» и «звериное» представлены выпукло и убедительно. Причем, «святое» выступает как результат преодоления специфически «человеческого», формируемого культурным контекстом. Но и «звериное» являет себя не только в негативном формате ярости, но и в мягкости и добродушии. Эти ментальные крайности фиксируют и определяют «разорванность русской души», в которой «святое» сочетается со «звериным», «благочестивое» – с «греховным», а «нигде не встречаемые духовные ценности и красоты» – с «пьяным разгулом и нравственным падением». Специфическим «русским талантом» становится способность «жить внутренне праведно в оболочке греха». Своеобразная «святость» русского человека определила еще одну ментальную особенность – преобладание религиозного чувства над волей, дефицит которой компенсировался «пламенем веры и религиозного терпения» [2, с. 188, 190].

Однако конструктивная линия в отечественной гуманитарной культуре доминирует. Отечественная философско-культурологическая мысль концентрирует уникальный опыт познания человека и мира. В текстах гуманитариев содержатся удивительно глубокие трактовки смысла и функций культуры, понимаемой как естественный путь человечества к мудрости, добру, справедливости и правде, которая есть истина и религия одновременно; результат искреннего влечения человеческой воли к безусловному совершенству в жизни всего мира (Вл. Соловьев); способ борьбы Логоса с Хаосом (П. Флоренский); процесс и результат активности человеческой души – независимой, нематериальной сущности, способной творить различные формы, идеи, налагая их на материальные субстанции: поле органической взаимосвязи людей в рамках универсального культа; ядро родовой памяти, в которое входят язык, традиции, ценности, исторические формы институтов; система норм и запретов (В. Розанов); форма организации духовной памяти народа; среда соборного единения (Вяч. Иванов); способ обожения человека и очеловечивания мира (С. Булгаков); среда и условие совершения метафизического (вторичного во временном отношении, но первичного по значимости) рождения человеческой личности (Н. Бердяев). В антропологическом плане культура – это «зеркало, которое человек творит и в которое всматривается, пытаясь понять – откуда, кто он и зачем; средство спасения души»; процесс и результат побед разума над инстинктом, морали и справедливости – над культом силы; средство утверждения права на существо-

вание и счастье слабых и отверженных (А. Панарин). Как результат космогонического творения культура предстает «квантовым полем» (во многом аналогичным биологическому), обладающим энергетическим потенциалом, воздействующим на психические и ментальные структуры человека. Ядро поля – совокупность «сгустков» идей, умонастроений, смыслов, универсальных культурных практик и поведенческих сценариев (А. Пелипенко).

Специфика гуманитарной мысли состоит в неудовлетворенности абстрактным, логическим познанием мира и утверждением «антропологической этики», которая обращается к человеческой экзистенции, пытается глубже понять и раскрыть «целостность человеческой натуры», условия «предметного воплощения» духовного мира личности. Отечественная философия образования, исповедующая принципы целостности, духовности, органичности, синтез рацио и веры, подчеркивающая важность антропологического принципа в разработке моделей образовательных практик, обретает особую актуальность в сегодняшней ситуации. Усиление духовно-нравственного вектора в образовательной деятельности на основе ресурсов отечественной гуманитарной культуры позволит обеспечить национально-культурную идентичность специалистов социально-гуманитарного профиля, мотивировать их творческий потенциал саморазвития, готовность и способность к продуктивной деятельности в меняющихся условиях и в ситуации расширяющегося пространства социально-профессиональных рисков. Лишь в таком качестве институт образования обретает возможности реализации своего предназначения – творения человека по образу и подобию своей культуры.

1. Аверинцев, С. С. Аналитическая психология К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии / С. С. Аверинцев // Вопросы литературы. – 1970. – № 3. – С. 113–143.
2. Аскольдов, С. А. Религиозный смысл русской революции / С. А. Аскольдов // Антихрист : антология. – Москва : Высшая школа, 1995. – 413 с.
3. Архипова, О. В. Идея образования в контексте постнеклассической культуры : автореф. дис. … д-ра филос. наук / О. В. Архипова. – Санкт-Петербург, 2012.
4. Бородулина, С. В. Стиль потребления как фактор формирования социальной идентичности : автореф. дис. … канд. филос. наук / С. В. Бородулина. – Барнаул, 2013. – 19 с.
5. Гофман, А. Б. Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии / А. Б. Гофман. – Москва : Наука, 2003. – 784 с.
6. Девиантность в обществе потребления : коллектив. моногр. / под ред. Я. И. Гилинского и Т. В. Шипуновой. – Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2012.
7. Дугин, А. Социология фазового перехода / А. Дугин // Центр консервативных исследований. – URL: http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/180509095406.xhtml (дата обращения: 01.12.2021).
8. Кузьмина, О. В. Антропологические матрицы рекламы в современной культуре : автореф. дис. … канд. культурологии / О. В. Кузьмина. – Санкт-Петербург, 2013.
9. Кульков, Е. А. Антропологические матрицы современного коммуникационного пространства / Е. А. Кульков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 41.
10. Марков, А. П. Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность : учеб. пособие / А. П. Марков. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2005. – 400 с.
11. Марков, А. П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преображения : монография / А. П. Марков. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2017. – 490 с.
12. Харламов, С. Ю. Философско-антропологические модели человека в концепциях информационного общества : автореф. дис. … канд. филос. наук / С. Ю. Харламов. – Белгород, 2009. – 22 с.
13. Хоружий, С. С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека / С. С. Хоружий // Центр христианской психологии и антропологии. – URL: https://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/pravoslavnaya-antropologiya.html (дата обращения: 01.12.2021).

Получено 07.12.2021

Irina A. Verkhovykh

Post-graduate student (24.00.01)

St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, St. Petersburg, Russia

E-mail: irina.verhovih@mail.ru

Mission of Humanitarian Education During Anthropological Crisis

Abstract. The article analyzes the dominant life strategies of student youth in the information society. Anthropological changes fully represent four strategies: life well-being, social prestige, professional success and personal self-realization. The leaders in the dynamics of expanding the social basis are the strategies of life well-being and social prestige, which testify to the large-scale falsification of the spiritual matrices of culture and the approval of the neo-pagan civilizational model. In the context of the modification of anthropological scenarios of modern youth, the problem of adjusting the priorities and the technological component of the educational process, taking into account the key characteristics of the post-non-classical stage of culture, becomes especially relevant. A resource for improving the content of humanitarian education is the demand for the human-creative potential of domestic humanitarian thought, which gives us a methodology for understanding the causes of spiritual crisis in the context of cardinal social changes, preserves the image of a spiritually rich and responsible person, opens up prospects for the reproduction of the moral – Moral appearance of a person as a creator and creation of culture.

Keywords: anthropological crisis, humanitarian education, information society, life strategies of youth

For citing: Verkhovykh I. A. 2021. Mission of Humanitarian Education During Anthropological Crisis. *Culture and Arts Herald.* No 4 (68): 90–96.

References

1. Averintsev S. 1970. Analytical psychology K.-G. Jung and the laws of creative fantasia. *Voprosy literatury* [*Literature issues*]. No 3: 113–143. (In Russ.).
2. Askoldov S. 1995. The religious meaning of the Russian revolution. *Antikhrist* [*Antichrist*]. Moscow: Vysshaya shkola. 413 p. (In Russ.).
3. Arkhipova O. 2012. Ideya obrazovaniya v kontekste postneklassicheskoy kul'tury [The idea of education in the context of post-non-classical culture]. St. Petersburg. (In Russ.).
4. Borodulina S. 2013. Stil' potrebleniya kak faktor formirovaniya sotsial'noy identichnosti [Consumption style as a factor in the formation of social identity]. Barnaul. 19 p. (In Russ.).
5. Gofman A. 2003. Klassicheskoe i sovremennoe: Etyudy po istorii i teorii sotsiologii [Classical and Contemporary: Studies in the History and Theory of Sociology]. Moscow: Nauka. 784 p. (In Russ.).
6. Deviantnost' v obshchestve potrebleniya [Deviance in a consumer society]. 2012. Ed. Ia. I. Gilinskii and T. V. Shipunova. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russ.).
7. Dugin A. Sociology of phase transition. Tsentr konservativnykh issledovaniy [Center for Conservative Research]. Available from: http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/180509095406.xhtml (accessed: 01.12.2021). (In Russ.).
8. Kuzmina O. 2013. Antropologicheskiye matritsy reklamy v sovremennoy kul'ture [Anthropological matrixes of advertising in modern culture]. St. Petersburg. (In Russ.).
9. Kulkov E. 2017. Anthropological matrices of modern communication space. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. No 41. (In Russ.).
10. Markov A. 2005. Proektirovanie marketingovykh kommunikatsiy: Reklamnye tekhnologii. Svyazi s obshchestvennost'yu. Sponsorskaya deyatel'nost' [Marketing communications design: Advertising technologies. Public relations. Sponsorship activities]. St. Petersburg: SPbGUP. 400 p. (In Russ.).
11. Markov A. 2017. Russkaya tsivilizatsiya v global'nom mire: vyzovy, ugrozy, resursy preobrazheniya [Russian civilization in the global world: challenges, threats, resources of transformation]. St. Petersburg: SPbGUP. 490 p. (In Russ.).
12. Kharlamov S. 2009. Filosofsko-antropologicheskie modeli cheloveka v kontseptsiyakh informatsionnogo obshchestva [Philosophical and anthropological models of man in the concepts of the information society]. Belgorod. 22 p. (In Russ.).
13. Khoruzhii S. Orthodox-ascetic anthropology and the crisis of modern man. *Tsentr khristianskoy psikhologii i antropologii* [*Center for Christian Psychology and Anthropology*]. Available from: https://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/pravoslavnaya-antropologiya.html (accessed: 01.12.2021). (In Russ.).

Received 07.12.2021